

УДК/UDC 130.2

Некоторые источники по изучению эмоциональной истории повседневности в 1920–1930-х годах

Васильева Анна Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: vasanne83@gmail.com

SPIN-код: 4338-9488

Стрельцов Вадим Вадимович

кандидат социологических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации

г. Краснодар, Россия

e-mail: vvslex@gmail.com

SPIN-код: 1400-7967

Аннотация

Вся государственная и общественная официальная пропаганда, государственные институты, различные меры внесудебного преследования и внеэкономического принуждения в раннем СССР были нацелены на формирование у населения необходимой властям системы ценностей. Далеко не вся эмоциональная жизнь человека исследуемой эпохи резонировала с навязываемой (иногда и насильно) системой ценностей. Понять это помогает изучение сохранившихся документов эпохи, проливающих свет на данную проблему. В статье анализируются некоторые документы различного происхождения, которые имеют отношение к истории городской повседневности 1920-1930-х гг., культурной истории эмоций.

Ключевые слова: архивные документы, городская повседневность, документы личного происхождения, источники, история эмоций.

Some Sources for the Study of the Emotional History of Everyday Life in the 1920–1930s

Vasilyeva Anna Sergeevna

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: vasanne83@gmail.com

SPIN Code: 4338-9488

Streltsov Vadim Vadimovich

Candidate of Sociological Sciences, lecturer at the Department of Civil Law and
Procedure

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Krasnodar, Russia

e-mail: vvslex@gmail.com

SPIN Code: 1400-7967

Abstract

All state and public official propaganda, state institutions, various measures of extrajudicial prosecution and extra-economic coercion in the early USSR were aimed at forming the population's value system necessary for the authorities. Not all the emotional life of a person of that era resonated with an imposed (sometimes violently) value system. Studying the surviving documents of the era helps to understand it, as these documents cast light on this problem. The article analyzes some documents of various origins that are related to the history of urban everyday life of the 1920–1930s, the cultural history of emotions.

Key words: archival documents, urban everyday life, documents of personal origin, sources, history of emotions.

Изучение исторических реалий с точки зрения повседневности для исследователя имеет первостепенное значение, поскольку позволяет понять их составляющие с точки зрения обычного обывателя, обычного горожанина. На современном этапе развития российской науки большой интерес представляет вопрос об источниках таких исследований.

Рассмотрение эмоциональной составляющей позволяет раскрыть особенности историко-культурного процесса, протекающего на определенном этапе и в определенных условиях. Поэтому данное исследование имеет междисциплинарный характер, отражая в себе совокупность признаков исторического времени. В связи с этим в статье сделана попытка осмыслить основные источники, дающие материалы для изучения повседневной жизни людей, живших, решая свои повседневные задачи, а также комплекса чувств и эмоций, которые неизбежно сопровождали граждан в их ежедневных трудах в заботе о житейских проблемах.

В связи с попытками переосмысления исторического значения советского периода в Отечественной истории, его последствий для культурного пространства современной России, ее ментальности, гражданского и правового поля, мы обратились к раннесоветскому периоду становления отношений между государством и обществом, правительством и гражданином, властью и человеком. Первые десятилетия советской власти связаны с глобальным переустройством жизни, которое породило как особые отношения между человеком и государством, так и стало источником новых смыслов. Вот отношение людей к этим смыслам, эмоциональный фон происходящего и является важным аспектом исследования сущности жизни. В исследуемый нами раннесоветский период, правящая в СССР партия ВКП (б) стремилась сделать подконтрольными себе мысли и чувства населения страны, что поспособствовало укреплению набирающего силу сталинского режима. Новые советские ценности навязывались индивиду через целый ряд норм, по которым они должны были оценивать как свое собственное поведение, так и поведение их окружающих. Однако не все чувства горожан могли быть встроены в данную предлагаемую, и даже навязываемую систему общественных ценностей.

Официально декларируемые властными структурами чувственные конструкции значительно расходились с реально существовавшими эмоциональными практиками. Эти последние в значительной мере зависели от различных субъективных (состояние здоровья, гендерная принадлеж-

ность) и объективных (социально-культурные условия жизни и труда) условий.

Источники по культурной истории эмоций в СССР первой половины XX века чрезвычайно многообразны. Из тех сохранившихся до наших дней документов, которые могут дать возможность глубоко вникнуть в суть проблемы, необходимо отметить, прежде всего, документы личного происхождения, такие как личная переписка, личные дневники (к сожалению, на практике они редко попадают в руки исследователя), в которых зачастую можно почерпнуть информацию, касающуюся повседневной эмоциональной жизни людей [1]. Кроме источников личного происхождения используется различная делопроизводственная документация научно-исследовательских и учебных учреждений [2] и контролировавших их партийных и государственных структур, личные дела и характеристики, анкеты сотрудников, жалобы, обращения в партийные, профсоюзные и государственные инстанции, а так же материалы периодической и самодеятельной печати. Анализ содержания источников позволяет выделить ряд наиболее болезненных для ученых тем, детерминированных как ситуацией в стране в целом, так и региональной спецификой. Здесь необходимо заметить, что переживания людей не всегда выражались в их интенсивном обсуждении, нередко предпочитая стратегию умолчания.

Большое значение в историографии проблемы имеет вопрос о проявлении эмоций в ходе «жилищного передела», важнейшего инструмента социальной политики большевиков в 1918-1922 годов [3]. Для характеристики эмоционального фона процесса «уплотнения» и перераспределения имущества бывших владельцев квартир, используется методика микроисторического исследования, документальной основой которого являются «мебельные дела» конкретного жилого комплекса в революционном Петрограде, столице Республики Советов. Сочетание в указанных исторических источниках формализованных анкет с сугубо индивидуализированными заявлениями и жалобами дает возможность выявить комплекс чувств людей терявших или наоборот обретавших материаль-

ные знаки социального благополучия, к которым относятся квартиры, мебель, прочие вещи.

В ранней советской действительности реакция на человеческую жадность менялась в зависимости от складывающейся на тот или иной период политической ситуации в стране. В 1918-1920-х годах в контексте эгалитаристских установок «военного коммунизма» весьма характерной была острая реакция власти большевиков на любые проявления индивидуальной алчности. Однако в связи с вынужденным переходом к НЭПу, когда «всеобщая уравниловка» стала тормозом проводимой политики вращающейся партийной номенклатуры в мирную жизнь, стремление к присвоению чужого имущества на короткое время превратилось в ненормируемую норму повседневности.

Характерным является и изучение истории эмоций граждан СССР по оставленным ими мемуарам. Так «мемуары участников строительства города Магнитогорска и лиц, в разное время его посетивших объединяет тенденция героики в изложении материала, пафоса строительства металлургического завода. В них практически не говорится о трудностях и бытовых проблемах, имевших место на строительстве города, а тем более в стороне остаются чувства, тяжелый труд, сложные бытовые условия, что, однако, не являлось секретом в эпоху советской пропаганды, несмотря на то, что значительная часть сложностей не освещалась в средствах массовой информации. Осторожны были в освещении этих вопросов и большинство авторов дошедших до нас мемуаров» [4].

Прекрасные возможности для изучения истории эмоций представляют материалы студенческих журналов и газет, издававшихся в 1920-е гг. Для студенческих корреспондентов этот период был довольно свободным, а печатные материалы таят в себе богатейшую информацию по эмоциональным коллективным и личностным реакциям, связанным с когнитивной оценкой ситуации. Принятие в 1931 г. норм судебной ответственности за критику социалистического строя привело к обеднению эмоциональной палитры периодики, однотипности выносимых на публику эмоциональных реакций в русле пафоса социалистического строи-

тельства, классовой бдительности и классовой борьбы с «врагами народа». Их анализ вкупе с обращением к воспоминаниям бывших студентов позволяет показать, что процесс сокращения прав человека и гражданина в ходе становления тоталитарного режима сопровождался ограничением права на чувства [5].

В первые годы советской власти некоторые даты революционных событий, безоговорочно преподносились властью как даты чрезвычайно значимые. Особо значимой для всей планеты, по мнению действовавшей власти, являлась дата празднования начала Великой Октябрьской социалистической революции (ныне ее по большей части называют Октябрьским переворотом). Тем не менее, абсолютное большинство населения страны в первое время были не склонны к восприятию этой даты, как какого-то праздничного события. А очень многие люди, причем как внутри страны, так и, в силу разных причин, покинувшие ее, очень хотели вообще эту дату (и само событие) предать полному забвению, так как связанные с ней события полностью разрушили их привычный жизненный ритм и устои. Но были и другие, которые воспринимали ее с воодушевлением, связывая с ней надежды на светлое будущее.

При организации и проведении различных праздничных собраний, конференций, митингов и т.д., властями основное внимание уделялось различным способам влияния на чувственную, эмоциональную сферу массового сознания. Другими словами, целью ставилось внушение населению чувства оптимизма и торжества справедливости у тех, кто терпел много лишений и трудностей при старой власти, внушить веру в собственные безграничные возможности преобразования мира. К слову сказать, подобные мессианские идеи не раз рождались в переломные периоды русской истории, давая эмоциональную подпитку обществу, стремящемуся прийти к состоянию стабильности.

Большим пластом в исследованиях истории эмоций повседневности выступают письма людей во властные структуры [6]. Такой выбор вполне взвешен и связан с тем, что различные формы апелляции советских граждан во власть (к ним относятся письма, заявления, жалобы,

доносы, прошения и пр.) являются своего рода приметой сталинского времени. Однако данная традиция имела глубокие корни в челобитной и петиционной культуре российского общества. Обращения советских людей во властные структуры передавали и их эмоциональный настрой, причем многообразно и разнопланово.

Поставив в центр внимания письма советских граждан во власть, безусловно, стоит иметь в виду распространившееся в современной историографии мнение «о раздвоенности общественного сознания советских людей, когда с одной стороны публично, и во многом даже искренне, выражалась поддержка политики и действий власти. С другой же стороны имело место внутреннее, скрытое, публично не выражавшееся, неприятие проводимой политики» [7]. Насколько эти чувства, действительно, были личными (либо становились таковыми в результате освоения и присвоения определенных нормативных установок, или и вовсе имитировались), – это один из слабоизученных до сих пор вопросов. Приблизиться к его разрешению, по видимому, как раз и позволяет знакомство с письмами советских граждан, адресованными властям, начиная с низовых, местных органов и вплоть до самого высшего звена (в адрес руководителей партии и ее центральных органов власти) [7].

Определенное значение в задаче исследования эмоциональной составляющей имеют официальные документы эпохи, хранящиеся в архивных учреждениях. Для решения подобных задач большое значение имеет источниковедческий анализ архивных документов, в числе которых находятся различные отчеты, доклады, стенограммы, документы органов партийно-государственного контроля ВКП (б) и иные информационные документы [8]. Так, например, в архивах хранится множество контрольных дел членов партии, совершившего целый ряд неблагоприятных, по меркам того времени, морально-нравственных проступков, скомпрометировавших его перед партийной общественностью. Эти дела представляют немалый интерес при разработке данной тематики [9]. А их пристальное изучение поможет выявить некоторые характеристики тех эмоциональных проявлений, которые могли быть свойственны людям того времени

[10]. В том числе такая возможность есть и при исследовании некоторых индивидуальных эмоций членов партии, попавших в зону «повышенного внимания» внутренних следственных органов ВКП (б) [11].

Характерным аспектом нового наполнения эмоциональных процессов, в 1920-1930-е гг., усиленно культивируемых властью, стали переживания, вызванные осознанием внедряемых представлений о классовой общности пролетариата и шире всех трудящихся, классовой борьбе как сути исторического процесса. Социально-психологические изменения эмоциональных состояний личности формировались довольно продолжительное время. Одновременно культивировалась, так же постепенно формируясь, и ограничительная эмоция страха.

По мнению специалистов, исследующих историю данной научной проблемы, пока, четко разработанных и апробированных методик исследования повседневности, и связанной с ней культурной историей эмоций пока нет [12]. Но собственный, личный опыт эмпирических исследований данной научной проблемы сам подскажет верные к ним подходы и методы.

Для понимания сущности протекавших и протекающих в обществе процессов, исследование эмоционального фона, эмоциональных побуждений люди имеет большое значение. Эмоциональная составляющая часто определяет мотивацию, послужившую определенным действиям, которые не далеко не всегда могут быть объяснимы с точки зрения рациональных принципов. Человек, его жизнь, являющаяся частью исторического процесса, таким образом, выступает как основная проблема исследования гуманитарного знания. Особенно это характерно в современную эпоху, которая зиждется на «антропологическом повороте», происшедшем в XIX веке, связанным с обращением к человеку как индивиду, конкретной личности, значительным измерением которого является экзистенциальный модус.

Список литературы

1. Еремеева А. Н. Живем мы неважно: Повседневность начала 1920-х годов и переживания научной интеллигенции Юга России // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 174–209.
2. Иванцов И. Г. Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 99–105.
3. Лебина Н. Б. Алчность «всякому горю начало» (эмоциональный фон «жилищного передела») // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 155–173.
4. Макарова Н. Н. Повседневная жизнь и эмоциональный режим Магнитогорска в годы первых пятилеток // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 344–363.
5. Мирошниченко М. И. Право на чувство: эмоциональная среда студенческой молодежи Урала в 1920-е годы (гендерный аспект) // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей/ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 210–231.
6. Рожков А. Ю., Мамонтова О. А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в Советской России 1920-х гг. // Общество: Философия, История, Культура. 2019. № 1 (57). С. 85–93.
7. Тажиудинова И. Г. Метаморфозы радости, или Письма вождям из провинциальных городов СССР как источник по истории эмоций (1930-е гг.) // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 112–154.
8. Иванцов И. Г. Повседневность провинциального города 1920–1930-х гг., культурная история эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП (б) // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2 (53). С. 68–72.
9. Иванцов И. Г. Внутрипартийный контроль ВКП (б) в борьбе с хулиганскими проявлениями в среде коммунистов. 1920-е-начало 1930-х гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2011. № 4 (22). С. 26–31.
10. Иванцов И. Г. Теоретические аспекты локальной истории и повседневности провинциального города в раннем советском обществе // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3-4. С. 97–100.

11. Иванцов И. Г. Дальнейшее его пребывание заведующим кофейни считаем нецелесообразным. . . : контрольное дело коммуниста в ракурсе истории эмоций (Геленджик, 1928 год) // Город и горожане в Советской России 1920 - 1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей/ред.- сост. А.Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с.

12. Рожков А. Ю. Провинциальный город как пространство эмоциональной повседневности в 1920-н годы: методологические подходы и проблемы изучения // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с.

References

1. Eremeeva, A. N. «We Are Going Not Really Well»: Everyday Life in the Beginning of the 1920s Through the Emotions of Academic Intelligentsia (Intellectual Class) of Southern Russia // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 174–209.

2. Ivantsov, I. G. System of Party Education in the USSR in the 1930s (Based on the North Caucasus materials) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. 2011. No. 4 (88). Pp. 95–100.

3. Lebina, N. B. Avarice «Is the Beginning of All Evil» (Emotional Background of the «housing Front» 1918–1922) // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 155–173.

4. Makarova, N. N. Daily Life and Emotional Mode of Magnitogorsk in the First Five Years // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 344–363.

5. Miroshnichenko, M. I. A Right to Feel: Emotional Area of the Ural Students in the 1920s (Gender Aspect) // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 210–231.

6. Rozhkov, A. Yu., Mamontova, O. A. Letters to the Authorities as a Historical Source of Studies on Students' Social Problems in Soviet Russia in the 1920s // Society: Philosophy, History, Culture. 2019. No. 1 (57). Pp. 85–93.

7. Tazhidinova, I. G. Metamorphosis of Joy, Oral a Letter to the Leaders of the Provincial Cities of the Ussr as a Source of the History of Emotions (the 1930s) // The City

and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 112–154.

8. Ivantsov, I. G. Daily Routine of a Provincial Town in 1920–1930s, the Cultural History of Emotions in Documents of the Party-State Control of the CPSU (b) // The Cultural Life of the South of Russia. 2014. No. 2 (53). Pp. 68–72.

9. Ivantsov, I. G. Inner-Party Control of All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Struggle against Hooliganism among Communists in 1920s — Early 1930s // Bylye Gody. 2011. No. 4 (22). Pp. 26–31.

10. Ivantsov, I. G. Theoretical Aspects of Local History and Everyday Life of a Provincial Town in the Early Soviet Society // Golos minuvshogo. 2014. No. 3-4. Pp. 97–100.

11. Ivantsov, I. G. «We Consider His Further Stay as the Head of the Coffee Shop Inexpedient. . . »: the Control Case of a Communist in the View of the History of Emotions (Gelendzhik, 1928) // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 266–277.

12. Rozhkov, A. Yu. Provincial City as the Space for «Emotional» Daily Life in the 1920s: Methodological Approaches and Problems of Studying // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 68–111.